

Принципы реформирования российской потребительской корзины

Б.В. КОРНЕЙЧУК, доктор экономических наук. E-mail: bkorneychuk@hse.ru
Департамент экономики, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург

Аннотация. Исследована проблема реформирования российской потребительской корзины в контексте ее запланированного изменения в начале 2021 г. Предложена и обоснована система принципов реформирования, базирующаяся на тенденциях постиндустриального развития, механизмах определения социальных гарантий в развитых странах и с учетом изменений, произошедших в социальной сфере за последние годы в России. Исследованы способы формирования потребительской корзины и расчета прожиточного минимума, в том числе определено соотношение установленной доли услуг в действующей потребительской корзине и стоимости минимального набора инфраструктурных услуг для трудоспособного гражданина (на примере Санкт-Петербурга). На основе анализа статистических данных показано, что главными недостатками действующей потребительской корзины являются заниженный норматив потребления услуг и отсутствие среди ее компонентов подоходного налога, что приводит к увеличению долгов за жилищно-коммунальные услуги и углублению бедности. Автор предлагает увеличить в два раза удельный вес затрат на услуги в потребительской корзине и увеличить стандартный налоговый вычет на величину прожиточного минимума трудоспособного человека.

Ключевые слова: прожиточный минимум; минимальная заработная плата; социальные гарантии; бедность в России; налоговое регулирование; инфраструктурные услуги; потребительская корзина

Введение

Планируемый в начале 2021 г. переход к новой потребительской корзине (Закон № 421-ФЗ от 28.12.2017 г.) является поводом для переосмысления принципов и способов ее формирования. Эта проблема обретает особую актуальность на фоне снижения реальных доходов населения и углубления бедности в последние годы.

Потребительская корзина (ПК) является базисной категорией в системе социальных гарантий государства и определяет величину *прожиточного минимума*, которая равна ее стоимости¹,

---

¹ Согласно Федеральному закону от 24.10.1997 № 134-ФЗ (ред. от 01.04.2019) «О прожиточном минимуме в Российской Федерации», прожиточный минимум – стоимостная оценка потребительской корзины, а также обязательные платежи и сборы.

а также минимальный размер оплаты труда (МРОТ) и некоторые социальные выплаты. Поэтому ее состав и структура непосредственно влияют на уровень благосостояния населения с низкими доходами.

В России состав потребительской корзины неизменен уже девятый год и ныне не отвечает возросшим потребностям населения и новым ценовым пропорциям. Важнейшим на сегодня ее недостатком мы считаем заниженный норматив потребления услуг, который не позволяет большому числу домохозяйств оплачивать существенно подорожавшие жилищно-коммунальные услуги (ЖКУ), что вызывает неуклонный рост задолженности по их оплате (по состоянию на 1 квартал 2019 г. долги за ЖКХ выросли на 5,3% по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года и достигли 564 млрд руб.)². Таким образом, нынешнюю задолженность по оплате ЖКУ мы объясняем в первую очередь недостатками структуры потребительской корзины, а не «неразумными» расходами задолжавших семей, которых некоторые авторы предлагают «воспитывать» с помощью колл-торских агентств³. Признание экономическим сообществом наличия системного дефекта в действующей потребительской корзине, по нашему мнению, может стать основой для принципиально иного решения проблемы задолженности, в том числе путем полного или частичного списания долгов. В целом, увеличение доходов населения посредством расширения ПК многие эксперты считают своевременной и необходимой мерой при нынешнем профиците госбюджета [Железовская, 2019].

В статье поставлена цель обоснования основных принципов реформирования и определения структуры новой потребительской корзины, а также выработки практических рекомендаций по ее изменению. Для ее достижения действующая потребительская корзина исследована на степень ее соответствия фактической структуре расходов россиян и сложившейся мировой практике ее формирования. Опираясь на концепцию постиндустриального общества, автор делал акцент на роль услуг в удовлетворении потребностей человека и не затрагивал вопрос о содержании

---

² URL: <https://iz.ru/914701/evgeniia-pertceva/chuvstvo-dolga-rossiiane-ne-oplatili-uslugi-zhkh-na-poltrilliona-rublei> (дата обращения: 04.03.2020).

³ Самусева С. Коллекторов прописали в коммуналке. Долги за услуги ЖКХ с граждан взыщут профессионалы // Коммерсантъ. 2020. № 10. 22 янв.

продуктовой корзины, который относится к отдельному направлению исследований [Корнейчук, 2017]. Доказано, что удельный вес затрат на услуги в действующей потребительской корзине существенно занижен и должен быть увеличен, как минимум, в два раза. Приведенные в статье статистические данные, которые не снабжены ссылкой на источники, получены с официальных сайтов служб статистики России и других стран.

Категория потребительской корзины в контексте постиндустриального развития

В постиндустриальную эпоху формируется новая система ценностей, в которой услуги играют все более важную роль. С развитием и усложнением человеческих потребностей неуклонно растет удельный вес сектора личных услуг в валовом продукте, при этом проблема выживания, понимаемая как свобода от голода, постепенно теряет свою актуальность. Проблема, стоящая перед человечеством, сводится ныне не к выживанию, но к обеспечению определенного жизненного уровня, не к биологическим нуждам, а к развитию способностей человека и его социальных коммуникаций. В связи с возрастающей ролью услуг в современной экономике многие авторы характеризуют ее как сервисную экономику, а важнейшим компонентом человеческого капитала называют сервисный капитал. Так, М. Хайкин отмечает *сервисный капитал первого порядка*, который связан с потреблением базовых социальных услуг, определяющих жизнеобеспечение человека [Хайкин, 2010].

Закономерно, что в процессе постиндустриального развития претерпевает изменения понятие прожиточного минимума. В социальной и юридической практике развитых стран его ныне связывают не с обеспечением первичных биологических нужд, а созданием условий *достойной жизни* для каждого гражданина [Leijten, 2019]. Однако российская потребительская корзина содержит лишь перечень основных продуктов питания, но не содержит перечня базовых услуг, ограничиваясь установлением их общей стоимости в размере 50% от стоимости продовольственных товаров. В контексте постиндустриального развития такой подход представляется исторически устаревшим. Наметившийся было переход к социальному нормированию

потребления *жилищно-коммунальных услуг*⁴ дальше дифференциации тарифов не продвинулся.

Более того, в условиях возрастающей динамики мирового развития реализуемый *нормативный метод* формирования ПК не способен учитывать появление принципиально новых товаров и технологий, а также изменения ценовых пропорций в течение периодов «замораживания» корзины. Поэтому актуальным представляется вопрос о постепенном переходе к *статистическому методу* формирования потребительской корзины на основе мониторинга данных расходов домохозяйств и установления прожиточного минимума в размере некоторой доли от среднего или медианного дохода.

Международная классификация расходов как методическая основа потребительской корзины

В целях анализа потребления домохозяйств статистические службы развитых стран с 1999 г. используют предложенную ООН классификацию потребительских расходов COICOP (Classification of Individual Consumption by Purpose), которая изначально состояла из одиннадцати групп товаров и услуг и не содержала каких-либо количественных характеристик потребления. В марте 2018 г. на 49-й сессии Комиссии по статистике ООН была принята новая версия классификации, которая отражает две новые тенденции в области статистики потребительских расходов. Во-первых, она отличается большей детализацией и включает новые типы товаров, которые появились в последние годы. Во-вторых, глобальная тенденция возрастания роли услуг была учтена посредством добавления к семи группам услуг (ЖКУ, здравоохранение, транспорт, связь, организация отдыха и туризм, образование, гостиницы, кафе и рестораны) двух новых групп – «Страхование и финансовые услуги» и «Социальная защита».

В российской официальной статистике использование классификации COICOP носит противоречивый характер. С одной стороны, мониторинг потребительских расходов производится в соответствии с этой классификацией. С другой – она фактически

---

⁴ Законом № 35-ФЗ от 26.03.2003 г. «Об электроэнергетике» были установлены социальные нормативы потребления электрической и теплотенергии, а также дифференциация тарифов для нормативных и сверхнормативных объемов услуг.

не учитывается при формировании российской ПК и расчете прожиточного минимума. В то время как в потребительской корзине образца 2006 г. детально описывались четыре из одиннадцати групп товаров (продукты питания, одежда и обувь, ЖКУ и товары для дома), в действующей корзине детализована лишь одна группа товаров – продукты питания. Такая практика расчета прожиточного минимума ныне характерна лишь для развивающихся стран [Anker et al., 2017].

На практике службы статистики разных стран используют один из трех методов формирования потребительской корзины [Anker et al., 2017].

- *Минимализм* – расчет производится на основе детализированного набора *продуктов питания* из перечня SOICOP; при этом расходы на услуги и непродовольственные товары в ПК устанавливаются в процентах к этой величине. Данный метод известен как *MEB* (Minimum Expenditure Basket)⁵, его обычно используют в бедных странах, а также в ряде стран СНГ, включая Россию.

- *Детализация* – увеличение в составе корзины количества норм потребления товаров и услуг. Так, в ПК Украины включены 150 продуктов питания, 100 предметов одежды и обуви, 61 предмет домашнего обихода, 24 вида услуг, а Азербайджана – 12 видов продуктов питания, 10 видов непродовольственных товаров и 10 видов услуг⁶.

Оба этих метода являются разновидностями *нормативно-го подхода*. Их общий недостаток – сложность обоснования многочисленных норм потребления, которые часто становятся объектом критики со стороны гражданского общества. Так, руководитель общественной организации «Открытый суд» С. Батрин обвинил правительство Украины в том, что при формировании корзины оно не провело широкое общественное обсуждение нормативов потребления и поэтому не смогло выяснить реальные потребности населения. В итоге суд удовлетворил его иск

---

⁵ Minimum Expenditure Baskets. Interim Guidance Note. World Food Program, July 2018. URL: <https://docs.wfp.org/api/documents/WPF-0000074198/download/> (дата обращения: 25.12.2019).

⁶ Постановление Кабинета министров Украины № 780 от 11.10.2016 г. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/780-2016-%D0%BF>; Постановление Кабинета министров Азербайджанской Республики № 182 от 06.06.2014 г.). URL: http://base.spinform.ru/show_doc.fwx?rgn=69464 (дата обращения: 27.01.2020).

о признании незаконным и недействительным Постановления Кабинета министров № 780⁷. Кроме того, в силу своей трудоемкости и инертности данный подход не позволяет учитывать региональные особенности, различия между социальными группами, величину и состав домохозяйств.

• *Эмпиризм*. Большинство развитых стран использует *статистический метод* формирования потребительской корзины, основанный на данных о фактическом потреблении домохозяйств. Так, Грузия по рекомендациям ЕС формирует ПК на основе данных о потреблении граждан по *полной классификации* СОICOP. Ее потребительская корзина включает 305 наименований товаров, в том числе 101 вид услуг, при этом ее структура оказывается схожей со структурой фактического потребления населения.

Статистический подход к расчету прожиточного минимума

Статистический подход предполагает постоянный сбор и обработку данных о потреблении и текущих расходах разных типов домохозяйств⁸. Именно эта информация используется для оперативного расчета и прожиточного минимума, и индекса потребительских цен. К преимуществам этого метода относится то, что прожиточный минимум может рассчитываться а) довольно оперативно (ведь нет необходимости учитывать официальные темпы инфляции), б) вне связи с ПК, как установленная доля от среднего или медианного дохода. Кроме того, он позволяет производить межстрановые сравнения уровня социальных гарантий. В частности, в странах ЕС такие сравнения проводятся в двух модификациях.

• *Отношение минимальной заработной платы к ее среднему значению*, или *индекс Кейтца*. Коэффициент показывает уровень социального неравенства по заработной плате. Чем выше индекс (в %), тем достойнее жизнь граждан с минимальным по экономике заработком. В период 2009–2016 гг. индекс превышал 40% в таких развивающихся странах, как Бразилия, Индия, Коста-Рика, Перу. В 2017 г. среди стран ЕС это отношение было

⁷ Решение окружного административного суда Киева № 826/3639/17 от 25.04.2018 г.

⁸ Например, в США при расчете показателя living wage (аналог прожиточного минимума трудоспособного человека) учитывается 614 типов домохозяйств [Anker et al., 2017].

минимальным в Греции (32,8%) и максимальным во Франции (49,9%)⁹. В России в 2017 г. индекс Кейтца составлял лишь 25,7%, что говорит о сравнительно низком уровне социальных гарантий. Кроме того, в России наблюдается негативная тенденция снижения отношения прожиточного минимума к средней заработной плате: в первое пятилетие XXI века оно составляло 43%, во второе – 30,7%, в третье – 27,9%¹⁰.

• *Отношение минимальной заработной платы к ее медианному значению.* Отклонение этого показателя от индекса Кейтца зависит от степени дифференциации трудовых доходов и в развитых странах составляет около 15%. Именно этот измеритель чаще всего используется в межстрановых сравнениях. Однако в России, где неравенство, судя по индексу Кейтца, существенно выше, чем в развитых странах, этот показатель не рассчитывается. Более того, Росстат не приводит данные о медианной заработной плате (только о медианном доходе). Что же касается отношения прожиточного минимума к медианному доходу, в России в 2017 г. оно составляло 42,8%, в то время как во Франции в 2010 г. аналогичное отношение достигало 60% [Eldring, Alsos, 2012. P. 32].

Расходы на услуги в потребительской корзине: история вопроса и последствия

В последние двадцать лет в России одна за другой были приняты три ПК. Корзины образца 1999 г. и 2006 г. включали в себя нормативы потребления жилищно-коммунальных и других услуг, и поэтому прожиточный минимум зависел от цен на эти услуги. При этом удельный вес расходов на эти услуги, по оценкам В. Роика, составлял более трети стоимости каждой из двух корзин и имел тенденцию к росту [Роик, 2006].

⁹ OECD. Earning Database. URL: <https://data.oecd.org/earnwage/average-wages.htm>; Global Wage Report 2016/2017. Wage Inequality in the Workplace. International Labor Office – Geneva: ILO, 2016. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/global-wage-report/2016/lang-en/index.htm> (дата обращения: 25.12.2019).

¹⁰ Соотношение с величиной прожиточного минимума (%) среднемесячной номинальной начисленной зарплаты в 2001 г. составляло 199%, т.е. отношение прожиточного минимума к средней зарплате равнялось 50,25%. В 2002 г. – 222% и 45% соответственно и т.д. (см. Российский статистический ежегодник. 2003. Табл. 7.1. [Эл. ресурс] URL: https://gks.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i011250r.htm (дата обращения: 06.03.2020).

Действующая корзина образца 2012 г. построена на иных принципах; в ней затраты на услуги установлены в размере 50% от стоимости продуктовой корзины и неизменно составляют четверть стоимости ПК. Учитывая, что фактическая доля затрат российских домохозяйств на услуги превышает 40% (таблица), удельный вес затрат на услуги в действующей корзине представляется необоснованно заниженным. Этот вывод косвенно подтверждается региональной практикой формирования структуры ПК (действующее законодательство дает такую возможность). Так, норматив потребления услуг был увеличен до 60% от стоимости ПК в Краснодарском крае (Закон № 2750 от 09.07.2013 г.) и Республике Саха (Якутия) (Закон № 1237-3 № 29-V от 05.12.2013 г.)

Структура потребительской корзины и фактического потребления в некоторых странах в 2010–2021 гг.,%

Показатель	Страна	Год	Продукты питания	Промтовары	Услуги
Потребительская корзина	Россия	2019	50	25	25
Фактическое потребление	Россия	2017	34,2	21,0	44,8
Потребительская корзина	Грузия	2017	36,5	14,9	48,6
Фактическое потребление	Грузия	2010	41,4	22,8	35,8
Фактическое потребление	Азербайджан	2018	42,4	19,8	37,8
Фактическое потребление	Чехия	2016	22,7	23,0	54,3
Фактическое потребление	Финляндия	2016	13,8	19,6	66,5
Фактическое потребление	Германия	2017	13,8	13,6	72,6
Потребительская корзина (предложение автора)	Россия	2021	40	20	40

Источники: данные официальных сайтов служб статистики России, Грузии, Азербайджана, Чехии, Финляндии, Германии: URL: www.gks.ru, www.geostat.ge, www.stat.gov.az, www.vdb.czco.cz, www.stat.fi, www.destats.de (дата обращения: 25.12.2019).

Переход к новому принципу формирования ПК в 2012 г. фактически означал отказ от политики социального нормирования ЖКУ, заложенной в законе «Об электроэнергетике» (Закон № 35-ФЗ от 26.03.2003 г.). Несмотря на то, что правительству было поручено подготовить переход к установлению социальной нормы потребления коммунальных ресурсов (Указ Президента № 600 от 07.05.2012 г.), нормативы потребления ЖКУ были исключены из состава ПК. Спустя еще два года правительство отказалось от планов введения социальной

нормы водоснабжения, отопления и газоснабжения, отменило запланированные пилотные проекты в регионах и ограничило применение социальных норм лишь сферой поддержки одиноко проживающих пенсионеров (Распоряжение Правительства РФ № 645-р от 21.04.2014 г.).

Исключение нормативов потребления жилищно-коммунальных услуг из ПК образца 2012 г. уничтожило *механизм сдерживания тарифов* на ЖКУ, увеличение которых теперь не вызывает необходимости повышать прожиточный минимум и МРОТ. Прямым следствием этого стал резкий рост тарифов в 2013 г. на электроэнергию (+12,5%) и горячее водоснабжение (+11,7%), который почти в два раза превысил рост потребительских цен. В итоге отношение прожиточного минимума к средней заработной плате в том году достигло минимального значения с начала века (26,4%).

Очевидным следствием заниженной нормы потребления услуг становится неспособность значительного числа семей оплачивать ЖКУ из своего трудового дохода. Так, в 2018 г. объем средств, затраченных на предоставление гражданам социальной поддержки и субсидий на оплату ЖКУ, составил 366,7 млрд руб. Долги по оплате ЖКУ неуклонно растут в последние годы, за период 2016–2018 гг. они составили в среднем 125,6 млрд руб. в год¹¹, что с учетом концентрации задолженности в беднейшей 20%-й группе домохозяйств порождает социальные проблемы. Так, дефицит денежных доходов (отрицательное отклонение от прожиточного минимума) в расчете на одного человека из этой группы в 2018 г. составил 3142,7 руб. в месяц, что сопоставимо со средними затратами на инфраструктурные услуги.

Фактические расходы на услуги и их компоненты

Возрастание значимости сферы услуг в постиндустриальной экономике требует учета расходов домохозяйств на услуги при формировании ПК и потребительского минимума, а именно необходимо следующее.

---

¹¹ Газета.Ru. Темные времена: россиянам не хватает даже на свет. 26 июня 2019 г. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/06/26/12443065.shtml> <https://www.gazeta.ru/26.06.2019> г. (дата обращения: 25.12.2019).

- *Адекватно оценивать долю услуг в потреблении.* Удельный вес услуг в действующей потребительской корзине (25%) является существенно заниженным по сравнению с фактической долей затрат на услуги российских домохозяйств. Так, в 2017 г. удельный вес затрат только на важнейшие инфраструктурные услуги (ЖКУ, транспорт, связь) составлял 30%, а ведь современному человеку нужны еще и социально-культурные услуги (здравоохранение, образование, кино, театр и др.). Недооценка этого фактора будет оказывать негативный эффект на российскую социальную сферу в долгосрочной перспективе, поскольку она противоречит глобальной тенденции возрастания удельного веса затрат на услуги с развитием экономики (это, в частности, позволяет использовать статистику потребления развитых стран для прогнозирования структуры потребительских расходов российских домохозяйств) (таблица).

- *Отдельно учитывать расходы на ЖКУ.* По расчетам автора, величина затрат на ЖКУ для жителя Санкт-Петербурга на основе социальных нормативов и тарифов, действующих в конце 2019 г., составила 2452 руб. в месяц без учета взносов на капитальный ремонт, затрат на обслуживание лифта и мусоропровода. Это значит, что из предусмотренных на оплату услуг 3146 руб. (25% стоимости ПК) на «прочие услуги», включая капремонт, обслуживание лифтов, транспорт и связь (в том числе необходимый для большинства работающих и учащихся граждан Интернет), остается менее 700 руб. в месяц. Эту сумму вряд ли можно считать достаточной.

- *Отдельно учитывать транспортные расходы.* В России в 2017 г. они составляли 16% потребительских расходов домохозяйств. В действующей ПК они не учитываются отдельно, в то время как ПК образца 2006 г. включала 52 поездки на общественном транспорте (ФЗ № 44 от 31.03.2006 г.).

Исключение норматива транспортных расходов из ПК препятствует территориальной мобильности трудовых ресурсов, которая увеличивает эффективность их использования в современной экономике, и большинство развитых стран учитывает этот фактор. Так, корзина трудоспособного жителя Украины включает 52 поездки в месяц, из них 44 – на общественном транспорте и восемь на такси (Постановление Кабинета министров № 780 от 11.10.2016 г. № 780). В Азербайджане она включает 58 поездок общественным транспортом в месяц (Постановление Кабинета

министров № 182 от 6.06.2014 г.). В ПК Грузии транспортные расходы выделены отдельной строкой и составляют величину, превосходящую в полтора раза затраты на ЖКУ. В Канаде транспортные расходы учитывают отдельно для регионов с общественным транспортом и без него. Для регионов второго типа транспортные расходы рассчитываются как стоимость обслуживания автомобиля конкретной марки с конкретной датой выпуска [Anker et al., 2017].

Автор рассчитал минимальные транспортные расходы трудоспособного жителя Санкт-Петербурга, используя норму из ПК образца 2006 г. и актуальный для 2019 г. тариф проезда на наземном транспорте. Сумма составила 2080 руб. в месяц без учета затрат на метро, такси, пригородные и междугородные железнодорожные перевозки, авиабилеты,

- *Отдельно учитывать расходы на связь.* По данным Росстата, за период 2017–2018 гг. они выросли с 3,1% до 3,2%, в 2017 г. они составляли 3,1% потребительских расходов россиян, а для пятой части населения с наименьшими располагаемыми доходами – с 4,3% до 4,5%. В Санкт-Петербурге в конце 2019 г. минимальный тариф на использование телефонной связи составлял 263 руб., и в данной статье эта сумма принята в качестве социального норматива потребления услуги связи.

Налоги и прожиточный минимум

Используемый метод расчета прожиточного минимума в России предполагает равенство данного показателя и стоимости ПК. Однако в действующем законе «О прожиточном минимуме в РФ» (№ 134-ФЗ от 24.10.1997 г.) прожиточный минимум определен как сумма стоимости ПК и *величины обязательных платежей и сборов*, т.е. он должен быть больше, как минимум, на величину налогов. Данное определение неизменно включалось в издания Российского статистического ежегодника, однако на практике налоги никогда не учитывались и не учитываются при расчете прожиточного минимума (причем, это характерно для большинства стран СНГ за исключением, например, Кыргызстана). Исключение налогов из перечня важнейших компонентов прожиточного минимума приводит к тому, что располагаемый доход работников, получающих минимальную заработную плату, оказывается меньше прожиточного минимума. Таким образом, сложившаяся

практика противоречит назначению данного макроэкономического индикатора и социальному характеру государства, обязанного гарантировать достойную жизнь гражданам.

Для сравнения: Конституционный суд Польши пришел к заключению, что прожиточный минимум гарантирован Конституцией как неотъемлемая ценность, поэтому обязанность платить налоги *не должна служить причиной для углубления бедности*, а государство обязано при необходимости снижать налоги для малоимущих граждан [Ploszka, 2018]. Ю. А. Перекаренко и В. И. Крышка разделяют в целом эту позицию и считают необходимым включение в российскую потребительскую корзину не только обязательных налогов и платежей, но также выплат по ипотеке и минимальной суммы сбережений [Perekarenkova, Kryshka, 2019].

Рассмотрим два способа учета налогов при формировании системы социальных гарантий.

- *Налоги включаются в величину прожиточного минимума.* Строгое исполнение Закона о прожиточном минимуме требует учитывать при расчете данного показателя *все* обязательные налоги и платежи, в том числе налог на доходы физических лиц (НДФЛ). Базой для расчета этого компонента прожиточного минимума трудоспособного человека служит минимальная заработная плата. В Санкт-Петербурге этот показатель в конце 2019 г. был равен 12584 руб., отсюда величина НДФЛ для бездетного работника составляла 1636 руб., а для работника, имеющего одного ребенка, – 1454 руб. (с учетом стандартного налогового вычета). То есть рассчитанная с учетом налогов величина прожиточного минимума должна была бы составить 14220 руб. и 14038 руб. соответственно.

- *Используется механизм налоговых вычетов.* В качестве простого решения «налоговой» проблемы при расчете прожиточного минимума часто предлагают отмену НДФЛ для работников, получающих минимальную зарплату. Однако при реализации данной меры те работники, которые получают начисленную заработную плату, хотя бы на рубль превышающую минимальный уровень, по-прежнему будут платить НДФЛ, то есть их реальный доход окажется чуть менее, чем на 13% ниже прожиточного минимума. Такой проблемы не возникнет, если облагать налогом разность начисленной заработной платы и законодательно установленной

величины необлагаемого дохода, которую обычно увязывают с величиной МРОТ и с количеством детей и иных иждивенцев в семье. Такой подход используется в некоторых западных странах. Так, в 2010 г. необлагаемый доход для одинокого работника составлял в Германии 76,6 евро в месяц, в Канаде – 93,4 евро, а при рождении ребенка он возрастал соответственно в 3,4 и в 5,5 раза [Saracoglu et al., 2014].

Планы реформирования налоговой системы на основе принципа необлагаемого дохода активно обсуждаются в развивающихся странах, где система справедливого налогообложения часто не реализована по финансовым соображениям, и социальные факторы не учитываются в полной мере. Так, турецкие экономисты предлагают установить базовую величину необлагаемого дохода в размере половины минимальной заработной платы; в случае потери работы супругой (супругом) эта доля составит 60% и достигнет 75% для семей с двумя детьми. В итоге чистый доход семьи с двумя детьми и безработной супругой (супругом) увеличится на 57,6 долл. США в месяц [Saracoglu et al., 2014].

В России принцип необлагаемого дохода мы предлагаем реализовать на основе статьи 218 Налогового кодекса о стандартных налоговых вычетах. Для этого необходимо предусмотреть право каждого работника на получение налогового вычета в размере прожиточного минимума. В случае реализации этой меры чистый доход работника в Санкт-Петербурге в конце 2019 г. составил бы при заработной плате 12584 руб. 100% ее начисленной величины, а при заработной плате 25000 руб. – 23386 руб. (93,5%) и т.д. Таким образом, реализация концепции необлагаемого дохода обеспечит более справедливое налогообложение с элементами прогрессивной шкалы НДФЛ.

Увеличение стандартного налогового вычета для одного из родителей на величину прожиточного минимума ребенка, на наш взгляд, могло бы стать гораздо более эффективным средством социальной поддержки семей с детьми, чем действующая система выплат детских пособий. Так, в 2017 г. в 80 регионах размер детского пособия не превышал 5% величины прожиточного минимума на ребенка [Малева, Гришина, 2019].

Определение структуры новой потребительской корзины

Итак, по данным нашего исследования, основным недостатком действующей потребительской корзины является заниженный норматив потребления услуг. Справедливый норматив должен учитывать минимальный объем потребления инфраструктурных услуг (ЖКУ, транспорт, связь), а также минимальную величину налогов, которые (помимо вышеназванных способов) могут учитываться в составе ПК в разделе «Финансовые услуги» (классификация COICOP) как расходы домохозяйств на оплату государственных услуг.

Предложенный метод реформирования российской ПК можно назвать гибридным, так как он основан на действующем нормативном подходе, но использует также статистические данные о структуре фактического потребления домохозяйств. Таким образом, предлагаемая потребительская корзина является *переходной* на пути от парадигмы нормирования потребления, унаследованного от директивной экономики, к использованию статистического метода расчета прожиточного минимума трудоспособного человека как некоторой доли от средней (минимальной) заработной платы. Последний метод применяется в развитых странах, где ПК используется преимущественно для расчета индекса потребительских цен, а не определения уровня бедности. Предложенный метод реформирования ПК согласуется с методом определения уровня бедности на основе удельного веса *постоянных расходов* в общем доходе [Елизаров, Сеница, 2018].

Автор статьи оценил минимальную стоимость услуг для трудоспособного жителя Санкт-Петербурга по состоянию на конец 2019 г., в 6379 руб., куда вошли расходы на ЖКУ (2400 руб.), транспортные расходы (2080 руб.), затраты на связь (263 руб.), а также НДФЛ для минимальной зарплаты (1636 руб.) как стоимость специфических государственных услуг. Таким образом, стоимость услуг в широком понимании *оказалась равной стоимости продуктовой корзины*. Отсюда следует, что отношение стоимости услуг к стоимости продуктов питания в новой потребительской корзине необходимо как минимум увеличить в два раза. При этом выявленные тенденции динамики отношения стоимости непродовольственных и продовольственных товаров

для двух беднейших групп населения позволяют сохранить это отношение в новой ПК на прежнем уровне – 50%. Действительно, за период 2017–2018 гг. этот показатель резко вырос: для беднейшей пятой части населения – с 37% до 41,6%, а для второй группы с более высокими доходами – с 44,6% до 48,9%.

Итак, по мнению автора, структура новой ПК должна выглядеть следующим образом: продовольственные товары – 40%, непродовольственные товары – 20%, услуги – 40%. Если считать состав и стоимость продуктовой корзины неизменными, переход к новой ПК потребует увеличения ее нынешней стоимости (и, соответственно, величины прожиточного минимума, и МРОТ) не менее чем на 25%.

Заключение

Проблема формирования ПК остается слабо разработанной в отечественной экономической литературе. В большинстве исследований состав ПК и прожиточный минимум рассматриваются как заданные экзогенные параметры [Литвинов, 2010]. Недостаточное внимание ученых и практиков к данной проблеме является одной из причин того, что состав и принципы формирования ПК восемь лет остаются неизменными (при установленном пятилетнем сроке), а в экономическом сообществе до сих пор не сложилось ясного понимания принципов ее реформирования.

Важным препятствием для определения социально-обоснованного прожиточного минимума является отсутствие прозрачной системы мониторинга этого показателя, хотя есть предложения использовать выработанные в международной практике инструменты подобного мониторинга с привлечением экспертного сообщества [Лукиянова, 2018].

Наиболее болезненным вопросом института прожиточного минимума и минимальной заработной платы остается отсутствие простых и понятых процедур расчета этих показателей в *региональном аспекте*, что не позволяет субъектам Федерации оперативно и обоснованно производить их перерасчет в условиях высокой социально-экономической динамики. Опыт развитых стран показывает, что такие процедуры должны включать этап широкого общественного обсуждения, что в нашей стране почти не практикуется [Вишневская, 2016].

Автор статьи стремился определить основные принципы и направления реформирования российской ПК, а именно:

- установленные в действующей корзине пропорции затрат на продовольственные, непродовольственные товары и услуги не отвечают фактической структуре расходов российских домохозяйств и должны быть изменены, например, посредством двукратного увеличения доли услуг;

- отсутствие в потребительской корзине налогов и платежей приводит к тому, что располагаемый доход работника с МРОТ оказывается ниже прожиточного минимума; эта проблема может быть решена включением прожиточного минимума в число компонентов ПК или в число стандартных налоговых вычетов;

- региональный аспект формирования потребительской корзины может быть учтен на основе метода сопоставления затрат на продовольственные товары и инфраструктурные услуги; если в том или ином регионе соответствующие затраты трудоспособного человека равны между собой, это должно найти отражение в структуре ПК;

- мониторинг региональных тарифов ЖКУ и оперативная корректировка структуры ПК обеспечат своевременное увеличение прожиточного минимума при росте тарифов и снижение задолженности по оплате ЖКУ;

- предлагаемое сокращение удельного веса затрат на продукты питания за счет увеличения доли затрат на услуги при неизменном составе продуктовой корзины потребует пропорционального увеличения прожиточного минимума и минимального размера оплаты труда.

Литература

Вишневецкая Н. Т. Регионализация минимальных заработных плат // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 4. С. 27–44. URL: <https://vgmu.hse.ru/2016-4/199077550.html>. (дата обращения: 27.01.2020).

Елизаров В. В., Сеница А. Л. Бедность семей с детьми: проблемы определения и измерения, региональные особенности // Уровень жизни населения регионов России. 2018. № 2(208). С. 24–33. DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10012.

Железковская Л. А. Государственное регулирование в расширении потребительской корзины населения РФ // Эпоха науки. 2019. № 17. С. 32–36. DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11708.

Корнейчук Б. В. Оптимизация продуктовой корзины: взаимосвязь экономических и медицинских факторов // Экономическая политика. 2017. Т. 12. № 3. С. 236–257. DOI: 10.18288/1994-5124-2017-3-10.

Литвинов В. А. Прожиточный минимум: история, методика, анализ. М.: URSS, 2010. 280 с.

Лукьянова А. Л. Минимальная заработная плата и минимальные заработные платы в России // Журнал Новой Экономической Ассоциации. 2018. № 1(37). С. 176–186.

Малева Т., Гришина Е. Каким должно быть детское пособие? // Экономическая политика. 2019. Т. 14. № 3. С. 54–69. DOI: 10.18288/1994-5124-2019-3-54-69.

Роук В. Новая потребительская корзина // Социальное партнерство. 2006. № 2. URL: <http://www.oilru.com/sp/11/> (дата обращения: 25.12.2019).

Хайкин М. М. Сервисный капитал в контексте человеческого капитала // Известия СПбГЭУ. 2010. № 6. С. 7–15. URL: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/archiv-nomerov> (дата обращения: 27.01.2020).

Anker R., Anker M. Living wages around the world: Manual for measurement. Edward Elgar Publishing. Cheltenham, UK. 2017. 379 p. DOI: 10.4337/9781786431462.

Eldring L., Alsos K. European minimum wage: A Nordic outlook, Fafo-Report. 2012. No. 16. Oslo, Fafo. URL: <http://www.fafo.no/pub/rapp/20243/20243.pdf> (дата обращения: 25.12.2019).

Leijten I. The right to minimum subsistence and property under ECHR: Never the twain shall meet? // European Journal of Social Security. 2019. Vol. 21. No. 4. Pp. 307–325. Doi: 10.1177/1388262719892466.

Perekarenkova Yu. A., Kryshka V. I. Minimum wage and the subsistence level in Russian economy: Theoretical and Empirical analysis of the main trends // Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2019. Vol. 12. No. 2. Pp. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13.

Ploszka A. The rights to subsistence minimum and its role in the protection of people living in extreme poverty. The Polish experience // Comparative Law Review. 2018. Vol. 24. Pp. 225–248. Doi: 10.12775/CLR.2018.19.

Saracoglu O. F., Caskurlu E., Ejder H. L. Minimum subsistence allowance and family taxation: Examining of the efficiency comparison with some country experiences and Turkish case // Mediterranean Journal of Social Sciences. 2014. Vol. 5. No. 2. Pp. 525–533. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n2p525.

Статья поступила 17.01.2020.

Статья принята к публикации 03.02.2020.

Для цитирования: *Корнейчук Б. В.* Принципы реформирования российской потребительской корзины // ЭКО. 2020. № 6. С. 48–66. DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66.

Summary

Korneychuk, B. V., *Doct. Sci. (Econ.), National Research University Higher School of Economics, St-Petersburg*

Principles of Reforming the Russian Consumer Basket

Abstract. The paper deals with the problem of reforming the Russian consumer basket in the light of its planned change in the beginning of 2021. The author puts

forward a justified system of principles for its reform based on trends of post-industrial development, approaches for determining social guarantees in developed countries and consideration of changes that took place in the Russian social sphere over the last years. The research considered ways of forming the consumer basket, calculation of the minimum cost of living including a portion of established services as a share of existing consumer basket and the cost of minimal set of infrastructure services for an able-bodied citizen (for a St-Petersburg case). Based on the statistical data analysis, the author has shown that the main drawbacks of the current consumer basket is lower consumption of services and absence of obligatory payments and fees among its components, which lead to growing debt for housing and communal services and deeper poverty. The author proposes doubling the share of cost of services in the consumer basket and increasing the level of non-taxable income by the cost of living of an able-bodied person.

Keywords: *cost of living; minimum wage; social guarantees; poverty in Russia; tax regulation; infrastructure services; consumer basket*

References

- Anker, R., Anker, M. (2017). *Living wages around the world: Manual for measurement*. Edward Elgar Publishing, Cheltenham, UK. 379 p. DOI: 10.4337/9781786431462.
- Eldring, L., Alsos, K. (2012). European minimum wage: A Nordic outlook, *Fafo-Report*. No. 16. Oslo, Fafo. Available at: <http://www.fafo.no/pub/rapp/20243/20243.pdf> (accessed 25.12.2019).
- Khaikin, M.M. (2010). Service capital in the context of human capital. *Izvestiya SPbGEU*. No. 6. Pp. 7–15. (In Russ.). Available at: <https://unecon.ru/izdaniya/zhurnal-izvestiya/archiv-nomerov> (accessed 27.01.2020).
- Korneychuk, B.V. (2017). Optimization of food basket: Interconnection of medical and economic factors. *Ekonomicheskaya Politika. Economic Policy*. Vol. 12. No. 3. Pp. 236–257. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2017–3–10.
- Leijten, I. (2019). The right to minimum subsistence and property under ECHR: Never the twain shall meet? *European Journal of Social Security*. Vol. 21. No. 4. Pp. 307–325. DOI: 10.1177/1388262719892466.
- Litvinov, V.A. (2010). *Cost of living: History, methodology, analysis*. Moscow, URSS Publ. 280 p. (In Russ.).
- Lukiyanova, A.L. (2018). Minimum wage and minimum wages in Russia. *The Journal of the New Economic Association*. No. 1(37). Pp. 176–186. (In Russ.).
- Maleva, T., Grishina, E. (2019). What should child benefit like? *Ekonomicheskaya Politika. Economic Policy*. Vol. 14. No. 3. Pp. 54–69. (In Russ.). DOI: 10.18288/1994–5124–2019–3–54–69.
- Perekarenkova, Yu.A., Kryshka, V.I. (2019). Minimum wage and the subsistence level in Russian economy: Theoretical and Empirical analysis of the main trends. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. Vol. 12. No. 2. Pp. 210–224. DOI: 10.15838/esc.2019.2.62.13.
- Ploszka, A. (2018). The rights to subsistence minimum and its role in the protection of people living in extreme poverty. The Polish experience. *Comparative Law Review*. Vol. 24. Pp. 225–248. DOI: 10.12775/CLR.2018.19.

Roik, V. (2006). New consumer basket. *Sotsialnoye Partnerstvo*. No. 2. (In Russ.). Available at: <http://www.oilru.com/sp/11/> (accessed 25.12.2019).

Saracoglu, O.F., Caskurlu, E., Ejder, H.L. (2014). Minimum subsistence allowance and family taxation: Examining of the efficiency comparison with some country experiences and Turkish case. *Mediterranean Journal of Social Sciences*. Vol. 5. No. 2. Pp. 525–533. DOI: 10.5901/mjss.2014.v5n2p525.

Vishnevskaya, N.T. (2016). Regionalization of minimum wages. *Public Administration Issues*. No. 4. Pp. 27–44. (In Russ.). Available at: <http://vgmu.hse.ru/2016-4/199077550.html> (accessed 27.01.2020).

Elizarov, V.V., Sinitsa, A.L. (2018). Poverty of families with children: Problems of definition and measurement, regional characteristics. *Uroven' zhizni naseleniya regionov Rossii*. No. 2(208). Pp. 24–33. (In Russ.). DOI: 10.24411/1999-9836-2018-10012.

Zhelezovskaya, L.A. (2019). State regulation in expanding the consumer basket of the population of the Russian Federation. *Epokha nauki*. No. 17. Pp. 32–36. (In Russ.). DOI: 10.24411/2409-3203-2018-11708.

For citation: Korneychuk, B.V. (2020). Principles of Reforming the Russian Consumer Basket. *ECO*. No. 6. Pp. 48-66. (In Russ.). DOI: 10.30680/ECO0131-7652-2020-6-48-66.